

Научная статья

УДК 821.161.1-145 Долгарева + 82.091 + 82'06 + 81'23 + 355.013.1 СВО + 801.73

DOI 10.15826/izv1.2025.31.1.011

**ОПЫТ ЛИНГВОГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ А. ДОЛГАРЕВОЙ
«ПЕРВОМУ ДВАДЦАТЬ, ВТОРОМУ СОРОК, ОТЕЦ И СЫН...»**

Сергей Геннадьевич Павлов

*Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина,
Нижний Новгород, Россия,
sergeypavlov70@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8622-9022>*

А н н о т а ц и я. В статье представлено толкование стихотворения А. Долгаревой «Первому двадцать, второму сорок, отец и сын...». Предмет работы — герменевтические ситуации стихотворения. Цель — реконструкция его имплицитных смыслов. Новизна исследования определяется обращением к лингвогерменевтической интерпретации стихотворения А. Долгаревой. Продемонстрированы возможности лингвогерменевтической методики, выявлены основные смыслы стихотворения. Показано, что А. Долгарева может быть названа преемницей поэтической миссии А. Ахматовой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интерпретация; герменевтика; лингвистическая герменевтика; коммуникативный смысл; художественный текст; Z-поэзия; А. Долгарева

**AN EXPERIENCE OF LINGUO-HERMENEUTICAL
INTERPRETATION OF A. DOLGAREVA'S POEM
«THE FIRST IS TWENTY, THE SECOND ONE IS FORTY,
THE FATHER AND SON...»**

Sergey G. Pavlov

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod, Russia,
sergeypavlov70@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8622-9022>*

A b s t r a c t. The paper presents an interpretation of A. Dolgareva's poem «The First is Twenty, the Second is Forty, Father and Son...». The subject of the work is the hermeneutic situations of the poem. The main goal is to reconstruct its implicit

meanings. The novelty of the study is determined by the appeal to the linguahermeneutic interpretation of A. Dolgareva's poem. The possibilities of the linguahermeneutic method are demonstrated, the main meanings of the poem are revealed. It is shown that A. Dolgareva can be called the successor of A. Akhmatova's poetic mission.

Key words: interpretation; hermeneutics; linguistic hermeneutics; communicative meaning; artistic text; Z-poetry; A. Dolgareva

Введение

Анна Долгарева — поэтесса уже состоявшаяся и еще много обещающая, с узнаваемой интонацией и парадоксальным, наивно-искусственным взглядом, один из самых ярких представителей нового поэтического поколения и конкретно Z-поэзии. В настоящей статье анализируется ее стихотворение «Первому двадцать, второму сорок, отец и сын...».

Исторически сложилась так, что художественная литература в России выполняет функции историософии, философии, педагогики, служит существенным фактором формирования мировоззрения, гражданской позиции и экзистенциального самоопределения личности. Феномен Z-поэзии¹, вызванный к жизни волею судьбоносных для русской цивилизации исторических обстоятельств, настоятельно требует своего читателя, популяризатора и исследователя.

Суггестивная сила художественного текста во многом определяется его интерпретацией. Эстетический модус функционирования языка, особенно поэтического, порождает нетривиальные смыслы и одновременно — серьезные трудности их реконструкции. Социальная значимость художественного текста, его глубина и интерпретационная неоднозначность обуславливают необходимость выработки эффективного исследовательского инструментария, способного минимизировать величину интерпретационной погрешности и предложить объективное, доступное для проверки толкование. Подобный инструментарий обеспечивает лингвистическая герменевтика художественного текста (далее — ЛГХТ).

Методология исследования

ЛГХТ представляет собой лексикоцентричную процедуру толкования, реализуемую совокупностью лингвистических методик, неспециальными средствами осмысления языкового материала (работой со словарем, анализом словарных дефиниций) и изучением затекстовой информации, привлекаемой в качестве лингвопрагматического фона анализируемого текста.

Объектом ЛГХТ является герменевтическая ситуация — «ситуация, в которой можно либо понять, либо не понять текст» [Богин, с. 11], предметом — семантика и коммуникативный смысл языковых единиц, индивидуально-авторской

¹ Z-поэзия крайне неоднородна в эстетическом отношении. Речь идет о ее лучших представителях — Анне Долгаревой, Владиславе Маленко, Игоре Караулове, Александре Пелевине, Анне Ревякиной и некоторых других.

организацией которых создается содержательная глубина и, следовательно, интерпретационная проблема текста. Цель ЛГХТ — установить альтернативные, текстуально мотивированные решения интерпретационной проблемы и выбрать из них наиболее адекватное толкование, т. е. понимание, в максимальной степени приближенное к авторскому замыслу, насколько о нем вообще можно судить.

Полнота и адекватность интерпретации художественного произведения обусловлена уровнем читательской компетенции адресата. Она складывается из лингвистической (языковой) компетенции, общей эрудиции читателя и степени его знакомства с культурным контекстом произведения, личностью автора и изображенными реалиями.

Знание словарных значений слова не является достаточным условием адекватного понимания текста. Взаимодействуя друг с другом в границах художественной целостности, языковые единицы приобретают текстуально обусловленное значение — **коммуникативный смысл**. В. В. Виноградов писал: «В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов, с. 234]. Подобные «дополнительные оттенки» и есть коммуникативный смысл — неузуальная информация слова, порождаемая авторской интенцией и взаимодействием языковых, текстуальных, а также внетекстуальных факторов.

Слово не только функционирует в тексте, но и бытует в свое время, в своей культурной эпохе, в уникальном авторском сознании, наконец. Микро- и макроконтексты слова не всегда способны раскрыть его смысловое наполнение. В том случае, когда текстуального материала для ясности или адекватного прочтения недостаточно, ЛГХТ прибегает к затексту — внешней по отношению к анализируемому тексту информации, которая играет роль экстратекстуального параметра коммуникативной ситуации, определяющего интерпретацию языковых фактов. Более подробно с методологическими основаниями и образцами лингвогерменевтической интерпретации художественного текста можно ознакомиться в наших работах: [Павлов, 2021–2024].

Обсуждение

Для удобства читателя приведем текст стихотворения полностью²:

Первому двадцать, второму сорок, отец и сын,
Русые русаки среднерусской тверской полосы,

Цветное фото; «Не рыдай мене, Мати,
Зрящи во гробе»: смерть была прежде.
Оба неправильно держат свои автоматы.
Ну кто их так держит.

² Тексты стихотворений А. Долгаревой приводятся по авторским публикациям в Telegram (<https://t.me/dolgareva/391>), за исключением специально оговоренного случая.

Аптечка говно, натирают берцы,
У старшего уже поизношено сердце,
У младшего условка за хулиганку.
Ходили в дозор спозаранку,
Сын чуть не споткнулся о мину.
«Матери только молчи, а то всыпет ремнину».

Пока ты дома ешь манго и пьешь брют,
Они за тебя умрут.
Летняя степь цветущая, пасторальная.
Ладно, чего там я, извини, забудь.
А знаешь, в чем самая жуть?
Им это нормально.

Обычное линейное чтение стихотворения выводит на закономерную для военной поэзии оппозицию с запрограммированной оценкой компонентов аксиологической диады: мужество и страдания солдат на войне (+) vs сытое, аморальное равнодушие гражданских (–). Текст А. Долгаревой можно прочитать, например, как перифразу стихотворения В. Маяковского «Вам!». С неизбежностью возникает подобный мотив и в Z-поэзии:

Умирал солдат, как говорится,
Без ненужных фраз и медных труб.
И гуляла пьяная столица,
И домой разъехала к утру
«Умирал солдат, как говорится...» [Шмелев]

Но идейно-тематическая перекличка данных текстов не исчерпывает всей глубины стихотворения А. Долгаревой. Рассмотрим его потенциально герменевтические ситуации.

Цветное фото, безусловно, фотография погибших бойцов. На это указывают строки из ирмоса девятой песни канона, читаемого в полунощницу Великой субботы: «Не рыдай мене, Мати, Зрящи во гробе». В третьей строфе сообщается о смерти обоих: *Они за тебя умрут*. «Не рыдай мене, Мати» — это и название иконографической композиции, изображающей положенного во гроб и оплакиваемого Иисуса Христа. Таким образом, богослужebная цитата вводит концепт «СВО» в сакральный контекст, намечает направление и глубину интерпретации стихотворения. Погружение военного материала в события Страстной седмицы не только освящает подвиг российских солдат, но и предельно масштабирует СВО, представляя ее как Священную войну Добра со Злом — борьбу Христа с Сатаной.

Оба неправильно держат свои автоматы.
Ну кто их так держит.

Бойцы на фотографии неловко держат личное оружие. Они не профессиональные военнослужащие. Текст не позволяет определить: мобилизованные или добровольцы. Затекст обнаруживает, что добровольцы. Стихотворение, приуроченное,

вероятно, к скорбной дате 22 июня, загружено автором в Telegram в 22 часа 22 минуты 21 июня 2022 г., т. е. до начала частичной мобилизации в сентябре того же года. По затексту реконструируется метафорическая сакрализация СВО. Для А. Долгаревой, считающей киевский режим нацистским, СВО, как и Великая Отечественная, есть Священная война с нацизмом: «Должно это закончиться разрушением украинского нацистского режима и взятием Киева» [Сердечнова].

А. Долгаревой свойственно свободное, даже небрежное отношение к поэтической технике, и в частности к рифмовке. Так, все рифмы первой строфы неточные, а в паре *Мати — автоматы* конечные слоги [ти] — [ты] создают эффект отсутствия рифмовки. Подобный способ фонетически гармонизировать концы стихотворных строчек представляет собой, скорее, квазирифму. Аналогичная квазирифма использована в стихотворении «Андрюха Швед...»:

Вопреки рыданиям матери
Ушел, печали не зная.
Стоял такой с автоматом
На самом краешке мая.

Стихотворение «Андрюха Швед...», опубликованное А. Долгаревой 7 июля 2022 г., становится вариацией того же сюжета. *Вопреки рыданиям матери* девятнадцатилетний доброволец уходит на фронт, стоит весной, *на самом краешке мая*, с автоматом. Но от Андрюхи не останется и фотографии: он попросил его *не фоткать*. Обратим внимание на лексически тождественные квазирифмы, которых, наверное, можно было бы избежать. Возможно, это тот случай, когда поэт жертвует формой ради содержания. Как нам кажется, в творчестве А. Долгаревой слова *мать* и *автомат* образуют смысловую рифму с функцией исторического обобщения русской женской доли:

Я русская баба, плачущая о каждом,
Кто не вернулся. Воюющая в подушку.
Бесплодная баба, что навеки однажды
Кончится — и кто помолится за мою душу.
Коли не подвезли другого мужа и сына,
То вы, двадцатилетние, мои дети.
Слезы капаят на копье, такая судьбина.
Не худшая, в общем, на свете.

А. Долгарева. «Сказали: не говори — баба...»

На новом витке отечественной истории русская женщина, в ипостасях матери и жены, продолжает нести свой тяжелый крест. Для А. Долгаревой это не *худшая судьбина*. Она даже находит в себе силы стойчески улыбнуться ей в лицо: *Слезы капаят на копье* — инверсированная цитата из шутильной песни на стихи Л. Дербенева из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»:

Кап-кап-кап из ясных глаз Маруси
Капают слезы на копье.

У цитаты «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи» есть литературный «прототип». Слова церковного песнопения выбраны эпиграфом к последней главке («Распятие») поэмы А. Ахматовой «Реквием». Опосредованная отсылка к А. Ахматовой дана в выше процитированном стихотворении, опубликованном А. Долгаревой через день после анализируемого — 23 июня:

Нет, я была поэтессой из Ленинграда.
Шляпка, мундштук, открытые платья.
Я до сих пор сыграю так, если надо.
Но я — русская баба, всехняя мать я.
«Сказали: не говори — баба...»

На фоне строчки *Коли не подвезли другого мужа и сына* ленинградская поэтесса идентифицируется как А. Ахматова.

У А. Долгаревой цитата из ирмоса имеет авторское продолжение:

...«Не рыдай мене, Мати,
Зрящи во гробе»: смерть была прежде.

Богослужбные слова и авторский текст объединены в бессоюзное сложное предложение с отношениями причины между частями. *Не рыдай* — почему? Потому что *смерть была прежде*. Ответ есть, но, оказывается, он вызывает интерпретационные затруднения. Понятность/непонятность — понятия параметрические, а следовательно, субъективные, определяемые уровнем читательской подготовки. Понятное для одного предстает неясностью для другого. Так, большинство студентов-филологов вывести имплицитный смысл этих слов не в состоянии, в то время как семинаристы легко справляются с задачей. Итак, что означает выражение *смерть была прежде*? Решение сводится к выяснению коммуникативного смысла наречия *прежде*. Возможны два правдоподобных варианта интерпретации (студенты давали и другие толкования, явно выходящие за пределы диапазона адекватности):

1) рыдать не надо, потому что смерть была раньше; так устроен наш мир, где смерть — рутина и неизбежность. Ср.: *В этом мире умирать не ново* (С. Есенин);

2) рыдать не надо, потому что смерть была раньше, а теперь, после того как Христос воскрес, смерти уже нет. Ср.:

Планета снимает каску.
Мы видим ее портрет.
Девятого мая Пасха.
И смерти на свете нет.

В. Маленко. «Планета снимает каску...»

Церковный интертекст подсказывает правильный коммуникативный смысл слова *прежде* ≈ «до Воскресения Христа». Смерти больше нет: она упразднена Спасителем.

У старшего уже поизношено сердце,
У младшего условка за хулиганку.

Оба добровольца вели далекий от идеального образ жизни. *Поизношенное* сердце сорокалетнего человека намекает, видимо, на пагубные пристрастия. У сына были проблемы с Уголовным кодексом. Тема ценностного контраста проявления человеческой личности в мирной жизни и на войне представлена и в стихотворении А. Долгаревой «Его звали Максим...»³. Эвакуировавший мирных жителей Максим погиб. До войны он нарушал закон:

Мне потом говорили тихо:
Вы не могли бы
О нем не писать?
Все-таки контрабандист,
Бандитская морда,
Позорит Родину-мать.

А. Долгарева принципиально не избирательна в выборе своих героев. У нее как бы две автономных системы оценок. В соответствии с такой логикой ошибки на «гражданке» не должны быть препятствием для отдания должного человеку, проявившему мужество на войне.

Пока ты дома ешь манго и пьешь брют,
Они за тебя умрут.

Довольно экзотичные для русского стола вещи — фрукт манго и шампанское брют — суть даже не еда, а факультативное дополнение к ней, необязательный и неуместный в настоящей ситуации гастрономический изыск. В тексте слова *манго* и *брют* приобретают коммуникативный смысл ≈ «роскошь, демонстрирующая безразличие к сражающимся солдатам». С появлением антипода стихотворение, казалось бы, входит в кульминационную фазу. Однако интерпретационные ожидания читателя не оправдываются. Неожиданное извинение лишает текст обличительного пафоса, руководствуясь которым, автор всегда рискует соскользнуть в осуждение и самолюбование. В. Маяковский в стихотворении «Вам!», на наш взгляд, этого не избежал:

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядам буду
подавать ананасную воду!

Роль бармена в злачном месте оказывается для лирического героя предпочтительнее смерти на поле боя. В. Маяковский ментально уничтожает своих адресатов, но, сам того не замечая, встает на весьма уязвимую социально-этическую позицию. А. Долгарева просто констатирует факт, приглашая идеологического оппонента к рефлексии: *А знаешь, в чем самая жуть?* При этом эксплицитного

³ Текст стихотворения приводится по электронной публикации в журнале «Москва» (https://moskvam.ru/publications/publication_3086.html).

суждения о нем не выносятся. Вопрос призван сфокусировать внимание на ценностном и экзистенциальном выборе добровольцев. А. Долгарева вообще склонна устраняться от назначения правых и виноватых:

...а с тем,
Кто предатель,
А кому давать ордена,
Разбирайтесь, пожалуйста,
Как-нибудь без меня.
«Его звали Максим...»

Происходит переакцентуация аспектов проблемы. Социальный аспект (не) справедливости переносится в духовную плоскость. Дело не в том, что существуют «плохие» люди, а в том, что их нельзя осуждать. По крайней мере А. Долгарева этого не делает.

А знаешь, в чем самая жуть?
Им это нормально.

Семантика слова *жуть* здесь неочевидна. В большом 17-томном академическом словаре у него только одно значение — «Разг. Страх, ужас» [ССРЛЯ, стб. 195]. Оно первым приходит на ум при восприятии слова *жуть*. Но прочтение *А знаешь, в чем самый ужас?* невозможно. Было бы естественным употребить слово *жуть* в значении 'ужас' для выражения возмущения нравственной деградацией человека, думающего только об удовольствиях и совсем не переживающего о погибших солдатах: *А знаешь, в чем самый ужас? Тебе это нормально.* Справедливое негодование по отношению к бездушным бонвиванам превратило бы текст в плоское, с легким привкусом менторской пошлости моралите, что совершенно чуждо А. Долгаревой как языковой личности. *Жуть* в том, что воспринимают существующее положение вещей как норму сами воины. И это, конечно, нельзя назвать ужасом.

В словаре Т. Ф. Ефремовой представлено и другое значение слова *жуть*, выступающего в синтаксической функции предикатива. Толкуется оно через отсылку к предикативу *жутко*: «О выражении изумления от чего-либо, восхищения или ужаса в отношении чего-либо многочисленного или кого-либо очень большого, сильного» [Ефремова]. В этом значении слово *жуть* может выступать и как существительное. Приведем примеры подобного употребления: *Вошло в привычку и даже стало ритуалом во все прочие дни таить в себе сладкую жуть суббот...* (А. Азольский. «Облдрамтеатр» (1997)) [НКРЯ]; *Совершенно верно, — согласился со своим неразлучным спутником Коровьев, — и сладкая жуть подкатывает к сердцу, когда думаешь о том, что в этом доме сейчас поспевает будущий автор «Дон Кихота», или «Фауста», или, черт меня побери, «Мертвых душ»!* (М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»); *Жуть и восторг охватывали душу* (В. П. Астафьев. «Бойе» (2015)) [Там же]. Безусловно, словом *жуть* выражено изумленное восхищение перед воинами. Контекстуальными средствами в семантике предикатива *жуть* актуализируется коммуникативный смысл ≈ «непостижимое, запредельное величие павших воинов».

Формальная неоднозначность анафорической отнесенности местоимения *это* порождает еще одну герменевтическую ситуацию: что именно *нормально* воинам? Понятно, что нормой для солдат является их смерть, а не сладкая жизнь гражданских. Однако авторская интенция остается неясной. Фраза *Они за тебя умрут* не дает уверенности, что воины вообще знают и помнят о таких людях. Информация о них может принадлежать только всезнающему автору. В предложении *Они за тебя умрут* две пропозиции: 1) они умрут; 2) они умрут за тебя. Следовательно, теоретически допустимы два варианта толкования: 1) *нормально*, что солдаты могут умереть; 2) *нормально*, что солдаты готовы умереть за человека, живущего в собственное удовольствие и, видимо, не думающего о них.

Есть ли возможность однозначного решения? Думается, что есть. Как реакция на решимость добровольцев погибнуть слово *жуть* было бы сильным семантическим и эмоциональным преувеличением. Смерть на войне — стандартно-статистическое событие, и ничего удивительного в готовности солдат умереть нет. Поразительно именно то, что они готовы умереть и за безразличных к их судьбе гедонистов.

Они за тебя умрут. В этой строчке слышится аллюзия на Евангелие: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Нравственный подвиг отца и сына превосходит евангельскую меру. В контексте цитаты «Не рыдай Мене, Мати...» вполне обоснованной выглядит почти крамольная мысль: подвиг тверских добровольцев с сомнительным прошлым соразмерен жертве Христа, отдавшего жизнь за всех — праведных и неправедных.

Выводы

При чтении стихов А. Долгаревой, сочетающих нарочитую просторечность и имплицитную литературность, подлинный смысл текста осознается не сразу. Резюмируем основные смыслы стихотворения «Первому двадцать, второму сорок, отец и сын...», реконструированные комплексной методологией ЛГХТ:

1. Для павших на СВО добровольцев смерти нет. Она побеждена воскресшим Христом.

2. СВО — это Священная война с неонацистским режимом как частный случай борьбы Добра (Христос) со злом (Сатана).

3. Подвиг на войне рассматривается вне контекста гражданской жизни человека.

4. Вечная доля русской женщины — быть женой и матерью солдата, хоронить и оплакивать погибших.

5. Право вынесения решения по духовно-нравственному состоянию человека и его деяниям принадлежит вышестоящим инстанциям, соответственно — Богу и государству.

6. Добровольцы готовы умирать за тех, кто этого не заслуживает, что делает их подвиг в каком-то смысле равновеликим голгофской жертве Христа.

И последнее. По порядку, но не по важности. Творчество А. Долгаревой дает основания считать, что она осознает себя преемницей поэтической и гражданской миссии А. Ахматовой, когда-то написавшей:

Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.
«Реквием»

Теперь с полным правом так может сказать и новая Анна русской литературы — Анна Долгарева.

Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/162835> (дата обращения: 02.08.2024).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка : сайт. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.08.2024).

Павлов С. Г. А. Ахматова. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»: опыт лингвистической герменевтики // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. : Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 70–80.

Павлов С. Г. Образ *Святой Руси* в поэме А. Блока «Двенадцать»: опыт лингвистической герменевтики // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 157–175. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-157-175>

Павлов С. Г. Затекст как средство интерпретации художественного текста (на материале стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России») // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности : сб. ст. по материалам IX Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2023. С. 230–234.

Павлов С. Г. Лингвистическая герменевтика образа Маргариты в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2024. № 85 (3). С. 63–73. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-63-73>.

Сердечнова Е. Поэтесса Анна Долгарева: «Большая военная литература с Донбасса обязательно придет». URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/346971-poetessa-anna-dolgareva-bolshaya-voennaya-literatura-s-donbassa-obyazatelno-pridet/> (дата обращения: 08.08.2024).

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 4 : Ж–З. М. ; Л., 1955.

Шмелев А. «Умирал солдат, как говорится...» // Стихи.ру : сайт. URL: <https://stihi.ru/2022/08/05/6850> (дата обращения: 08.08.2024).

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.